

ХРОНОТОП В СЛОВАХ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

The report describes the characteristics of spatio-temporal relations in oratorical works of the Belarusian Orthodox Archbishop George Konissky (1717–1795). Highlights the breadth of artistic space and time in prose educator.

Концептуальные по своему характеру представления о мироустройстве белорусский просветитель Георгий Конисский выразил не только в философских произведениях, письмах, но и в проповедях. Особую значимость в этом отношении имеют «Слова на Рождество Христово», поскольку именно в них проповедник устанавливает максимально широкие временные и пространственные рамки повествования: от сотворения мира, ветхозаветных эпох пророков и пророчеств до имеющего быть в неопределенном будущем Страшного суда.

Пространственная картина мира в изображении Георгия в целом традиционна и строится из трех частей: небо, земля и преисподняя. При этом небо включает в себя две составляющие: небо вещественное, пределы зримого солнца и света, и невещественное, обиталище Бога и вечной духовной жизни. Бог в трех лицах, пребывающий вне времени, предшествует существованию всего видимого и невидимого, «прежде неже открыты бездны, прежде неже воздрузи горы и основания земли положи», царствует над миром и всеми человеческими душами [1, с. 364].

Конисский соотносит небо с землей как свет с тьмою, а жизнь человека с солнцем как нечто низшее с высшим. Антитеза света и тьмы универсальна и является выражением одной из древнейших мифологических оппозиций. Предшествование тени свету есть предшествование неподлинного существования (плоти) – подлинному (духу), предшествование древнего хаоса – космосу. Таковым космосом и гармонией для земного духовно неоформленного человеческого существа является Христос – «Солнце», «свет», «вещь», т.е. нечто не иллюзорное. Христос является посредником между миром небесным и земным. Земное пространство Георгий часто именуется «вселенной». Небо и преисподняя в понятие вселенной не входят, хотя Георгий говорит о них как о пространственных объектах. Фактически он воспроизводит в словах наивную картину мира.

Пространство земного мира населено людьми, в изображении Георгия Конисского представляющими собой общность, объединяемую грехом: «...Все согрешихом; еще в чреслах сущи праотца Адама, все даже и доселе грешить не престаем; следовательно, все лишены есмы славы Божия, весь мир грехом задолжился Богу...» [1, с. 121]. Человечество являет неприглядную картину порабощенности злым силам. Все люди духовно

больны. Конисский сравнивает их с физически неполноценными: слепыми, глухими, хромыми и расслабленными. А тех, кто считает себя здоровым, проповедник называет находящимися в «лихорадке и безумии», при которых человек только кажется здоровым, но скрыто несет в себе болезнь, внезапно открывающуюся и умертвляющую его.

Грешная земля представляется хрупкой оболочкой ада – «подземелья», противопоставленного небу в единстве с ней. Близость земли аду отвечает неподлинности земного существования человека. Создаваемая Георгием в проповеди картина извергающегося вулкана расширяет наивные представления об устройстве вселенной: «...Вулканы новые, не на горах уже, но и в дебрях открывающиеся, указуют не окны уже ада, как доселе мы почитали Везувия и Этну, Геклу и другия немногия, но щели частья его, яко уже тесная храмина его состарелась, и щели частья указуя, хошет обвалиться, а на то место обняти и пожерти всю землю огнем» [1, с. 185].

Обычно Конисский фрагментарно, но связано прослеживает всю ветхозаветную историю человечества как цепь проявлений феноменальной Божественной любви, начиная с момента творения, когда Бог создал человека по образу и подобию Своему и поставил его над всеми живыми существами, и заканчивая приходом в мир Сына Божия для проповеди спасения (Первое Пришествие) и для страшного суда (Второе Пришествие).

Динамическое описание первого пришествия в мир Бога хронологически последовательно. Непостижимую глубину тайны воплощения Творца в образе твари, вселенского Владыки в образе раба проповедник пытается раскрыть через ряд антиномий явлений высшего (Небесное Царство) и низшего (земное существование) порядка. Георгий широко использует прием антитезы, включающей как временные, так и пространственные характеристики: «Предвечному надобно было считаться с временщиками, Невместимому всем миром указатися младенцем, Носящему всю тварь глаголом силы Своя носитися во объятях матерних, Дающему пищу всякой плоти просити не без слез сосцев доилицы, Премудрости Божией, устроившей мир, показатися отрочатем, ничего несмыслящим» [1, с. 260].

Мотив второго пришествия и страшного суда помогает проповеднику достучаться до сердца и разума самого закоренелого в грехе человека. Угрожающие картины окончательного наказания богоотступников помогают Георгию заставить каждого слушателя задуматься о неминуемой каре за совершаемые преступления, чтобы обострить в нем стремление к спасению. Предвестием грядущего суда становятся знамения по Пасхе: «Он стрегущих гроб Его сотрасл», «со славою пред ученики Своими вознесся на небеса», «оттуда на них посла обетованнаго Духа всесвятаго во огненных языцех» (солнце поднимается на небо, посылая земле согревающие

лучи; ср. высказывание Иоанна Златоуста о Троице-Солнце), «через апостолов Христос покори Себе все народы земли, а христуобивцев Иудеев, разорив, во всю вселенную (землю. – С.С.) расточи».

Картина второго пришествия совершенно иная: «возгласит Архангел и труба Божия так громко, что и мертвые услышат глас сей Сына Божия», «все Ироды, все каины, все озлобители немощных предстанут суду, черву, во век неусыпаемому, уготованы», «все сии закусят язык свой, мнящийся мудр быти юродивым покажется, и просвещенный мраком вечным покрываются», «хулители одной капли воды просить будут на язык свой, страждущий в пламени во век неугасимом».

Логически возникающий вопрос о времени столь ярко описанного в Евангельском повествовании и в словах проповедника второго пришествия решается Георгием своеобразно. С одной стороны, это время неопределенное: «скорее будет, ответствую, нежели чаешь», «будет нечаянное, яко тать приидет в нощи, яко поток всемирный обьмет все». С другой стороны, Конисский по своему обыкновению и по законам проповеди делает шаг от абстрактной риторики к реальности, к вполне осязаемым явлениям сегодняшнего дня. Многие из них вписываются в контекст рассуждений оратора и воспринимаются как верные свидетельства о близости всеобщего суда: «Да вот уже и вестники суть близкаго Суда Божия: будут, рече Христос, трудсы по местам и глады, и пагубы, и страхования на небеси. Ктож, читающий ведомости общия, хотя едину видит, в коей бы не возвещались ужасныя по разным нациям и провинциям трясения земли, пожирающия не только села, но и города знатныя и не одни трясения, но и наводнения необычныя, на подобие потопа, города и села потопляющия» [1, с. 185].

Так проповедь Георгия Конисского получает завершенность кольцевой композиции и тематическую «округлость», охватывает широчайшие пространственные и временные грани бытия: от подземных глубин до неба и Солнца, от первого дня Творения до последнего его дня. Общая картина мира, создаваемая Могилевским архиепископом, показывает, что христианское мышление культивирует особенные представления о мироустройстве, отличные от научных. При этом оно игнорирует научные истины не потому, что они противоречат религиозным догматам, а потому, что являются несущественными с точки зрения практики этического строительства. Георгий, безусловно, знакомый с новейшими научными представлениями и мироустройстве эпохи Просвещения и трудами святых Отцов Церкви о непространственной сущности понятий «рай», «ад» и др., намеренно актуализирует в умах паствы по сути наивную картину мира, чтобы добиться наиболее адекватных представлений о добре и зле, о нравственном совершенстве и пороке, об Истине невещественного, абсолютного характера.

Литература:

1. Слова и речи Георгия Конисскаго, Архиепископа Могилевскаго. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и литогр. Я.Н. Подземскаго, 1892.